

УДК 398:82.09

DOI: 10.28995/2658-5294-2024-7-2-154-161

IX Всероссийская конференция
молодых исследователей
«Фольклористика
и культурная антропология сегодня»

Виктория Б. Новикова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, jranchik@gmail.com*

Дата поступления статьи: 11 июля 2023 г.

Дата публикации: 26 июня 2024 г.

Для цитирования: Новикова В.Б. IX Всероссийская конференция молодых исследователей «Фольклористика и культурная антропология сегодня» // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2024. Т. 7. № 2. С. 154–161. DOI: 10.28995/2658-5294-2024-7-2-154-161

The 9th All-Russian Conference
of Young Researchers
“Folkloristics and Cultural Anthropology Today”

Victoria B. Novikova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
jranchik@gmail.com*

Received: July 11, 2023

Date of publication: June 26, 2024

*For citation: Novikova, V.B. (2024), “The 9th All-Russian Conference of Young Researchers ‘Folkloristics and Cultural Anthropology Today’”, *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 7, no. 2, pp. 154–161, DOI: 10.28995/2658-5294-2024-7-2-154-161*

9–10 марта 2023 г. Центр типологии и семиотики фольклора РГГУ провел IX Всероссийскую с международным участием конференцию молодых ученых «Фольклористика и культурная

антропология сегодня». Конференция прошла в смешанном формате, на ней выступили студенты, магистранты и аспиранты из России и Монголии¹. Предметное поле конференции было концептуализировано двумя лекциями, прочитанными преподавателями ЦТСФ: по городской антропологии и теоретической фольклористике.

В первой лекции «Фольклорная традиция и брендинг территорий: вперед в прошлое» *Н.В. Петров* (РГГУ, РАНХиГС, Москва) рассматривал бренд как сложную психосоциальную конструкцию, которая включает в себя ассоциации, эмоции, общее видение того, как можно использовать потенциал территории, культуры и исторического наследия. Идентификация территории через придание ей «своей», «самобытной» и «народной» идентичности является ключевым фактором в конкуренции населенных пунктов на рынке брендинга, закрепляя определенные смыслы за конкретной территорией и создавая добавочную ценность для нее. Для этого, помимо исторических персонажей, промышленности и продуктов питания активно используются фольклорные явления: легенды, предания, персонажи, в том числе и изначально авторского происхождения. Например, Пятачок, Винни-Пух и др., которые стали героями анекдотов и мемов. Лектор выделил четыре принципа построения бренда с опорой на фольклорные явления:

1) географический (место написания произведения или рождения автора, совпадение места произведения и реальной территории, внешнее сходство мест);

2) народно-этимологический (созвучие имени персонажа или географических мест и реального места);

3) условно-научный (этимологические, археологические, иконографические «исследования»);

4) наличие аналогов персонажей. Брендирование территорий поддерживается разными национальными программами, самая известная из которых – «Сказочная карта России». Ее создатели подчеркивают связь между «сказкой» и детством при отборе персонажей для проекта, что позволяет искать причины схожести «сказочных» персонажей и продукции современной массовой культуры, ориентированной на детскую аудиторию. Помимо этого, создатели брендов руководствуются и другими критериями, такими как известность, аттрактивность, запоминаемость и фантастичность.

¹ Тезисы докладов конференции опубликованы на сайте ЦТСФ: Фольклористика и культурная антропология сегодня. URL: https://ctsfru/sites/default/files/2023-03/Young%20folklorist_2023_abstracts.pdf (дата обращения 17 дек. 2023).

Тема городской антропологии была развита в коллективном докладе *М.К. Гаранач, М.А. Пономарев, О.А. Трусова, П.Е. Шурупова* (РАНХиГС, Москва) проанализировали адаптацию к городскому пространству вынужденно переехавших в Стамбул в 2022 г. на материале глубинных интервью, включенного наблюдения и ментальных карт города. Докладчики выделили две стратегии поведения. Те, кто называет себя иммигрантами (релокантами, беженцами), не стремятся приспособливаться к городской среде, а наоборот пытаются найти в Стамбуле места, похожие на их родные города. Второй подход используют те, кто называет себя туристами или временными жителями, – они отказываются от посещения мест, напоминающих «дом», чтобы не страдать от ностальгии и тоски, и легко адаптируются к городской среде.

Городские легенды исследовала *Д.М. Маткасымова* (ПГНИУ, Пермь) в докладе «Устные рассказы о подземельях: сюжеты и их функционирование». На основе полевых материалов 2018–2023 гг., собранных в разных поселениях Пермского края, докладчица выделила один общий сюжет нарративов о подземельях – спасение от угрозы. В таких историях подземелья могут выступать в качестве убежища или использоваться для побега. Остальные группы сюжетов разнятся в зависимости от типа населенного пункта.

Во второй лекции «Фольклорный исторический нарратив и механизмы устной традиции» *С.Ю. Неклюдов* (РГГУ, Москва) проиллюстрировал специфику фольклоризации нарративов на материале разных эпох. Легенды, повествующие о Ермаке, Стеньке Разине, Ваньке Каине, Мазепе, Гришке Отрепьеве и Емельяне Пугачеве, хронотопически объединяют всех этих персонажей и категоризируют их на основе идей греховности и казачества, устанавливает сюжетные связи между ними во «временной компрессии». В записанных рассказах об Алене Арзамасской и воспоминаниях о матери и отце Н.А. Некрасова заметны изменения, превращающие эти тексты в легенды, – например, появляются параллели с легендой о деве Годиве. Процесс фольклоризации недавнего реального события был рассмотрен на примере трагедии в семье композитора Исаака Дунаевского, которая сильно искажалась в рассказах современников. При фольклоризации нарративов время сжимается, происходит компрессия коллективных воспоминаний, объединение персонажей по функционально-семантическим классам и связывание их сюжетными отношениями, не существовавшими в реальности. В результате таких процессов обобщения атрибуты и предикаты свободно циркулируют внутри одного класса персонажей. При рассмотрении текста о реальных событиях или людях необходимо различать «базу» (порождающая

модель, обуславливающая текстуальную презентацию впечатления от события или памяти о нем и дальнейшее воспроизводство сложившегося сообщения) и «казус» (событие, дающее импульс для актуализации модели и заполнения ее деталями текущего момента). Когда описывается «историческое событие», сюжет, который используется для этого, уже существует в фольклорной традиции как устойчивая матрица повествования. Благодаря таким матрицам в устной традиции удерживаются «исторические элементы».

Песенный фольклор оказался в фокусе внимания трех докладчиков. *Р.Ф. Пятаев* (РГГУ, Москва) применил структурно-семантическую методiku для анализа исторической песни «Князь Голицын возвращается в Москву», сконцентрировавшись на механике сохранения истории благодаря структуре. Исследователь выделил семантическую структуру, согласно которой герой не заслуживает блага: Голицын стремится встретиться с антиподом, чтобы получить (или сохранить) благо. Конкретный конфликт реализуется в каждом развернутом сюжете через одну и ту же семантическую структуру, даже если были потеряны исторические детали.

В.А. Пушкина (СПбГУ, Санкт-Петербург) сфокусировалась на роли запевалы, без которого не может существовать хор, и обратила внимание, что деревенские малые певческие группы регулируют местную певческую традицию, а их мастера становятся запевалами больших менее профессиональных групп. На материале экспедиции 2021 г. в Архангельскую область докладчица выделила качества, свойственные запевалам: персонифицированное умение, «бойкость» как обязательное условие для лидерства в пении, знание репертуара, умение оценивать и регулировать эмоциональное состояние коллектива. Доклад вызвал оживленную дискуссию о необходимости противопоставления таких явлений, как фольклор и фольклоризм. Например, к какой из этих категорий следует отнести стихи/материалы, бытующие на конкретной территории, но сейчас исполняемые со сцены? Часто противопоставление фольклоризма и фольклора неэффективно, поэтому следует выработать альтернативную методологию.

М.Г. Белодедова (РГГУ, Москва) в докладе «Ненецкая колыбельная: личная песня или благопожелание?» проанализировала нюкубцы – детские личные песни, исполняемые обычно от лица ребенка и принадлежащие ему. В детских личных песнях изображается будущее, в отличие от взрослых песен, где, как правило, поется о прошлом. Будущее, которое желают ребенку, констатируется как уже происшедшее, что используется в жанре благопожеланий. Нюкубц выступает своеобразным «паспортом» ребенка: описывает его рождение, внешность или характер.

Тема северных народов получила продолжение в докладе *В.Р. Новиковой* (РГГУ, Москва) «Шаман, который стал женщиной». Докладчица пришла к выводу, что у инуитов гендерная роль шамана соответствовала всем социальным условностям сообщества, но при выполнении сакральных функций гендерные различия переставали иметь значение.

Вредоносные агенты привлекли внимание двух докладчиц. *Е.М. Белякова* (ЕУСПб, Санкт-Петербург) рассказала о сложностях, с которыми ей пришлось столкнуться во время полевой работы при изучении представлений о вредоносных агентах (кхакхуа и лалело) среди короваев (запад Новой Гвинеи). Короваи избегают прямых разговоров о кхакхуа (колдунах, поедающих своих жертв), информацию о них можно получить, расспрашивая о причинах болезней и смерти. Лалео – демонические сущности, появляющиеся после смерти человека, разговаривать о них – неуместно (в сказках такие расспросы караются смертью). Социальные нормы усложняли сбор материала – согласно мифам короваев, человек должен быть скромным и мало говорить. Нельзя задавать одни и те же вопросы разным людям, это значит, что ты не доверяешь рассказавшему. По этим причинам метод интервью был неприменим, продуктивными оказались методы включенного наблюдения, обсуждение причин болезней и смерти, изучение сказок.

А.Е. Калкаева (ИНИОН РАН, РГГУ, Москва) в докладе «Мужчины-колдуны в немецких фольклорных рассказах XIX в.» выделила схожие функции у мужчин-колдунов и женщин: воровство молока, профессиональный характер колдовства, наказание людей, мешающих их работе.

Четыре доклада были посвящены современным явлениям. *И.А. Малиновский* (независимый исследователь) в докладе «Гадание на картах Таро как сенсуальная форма: семиотические идеологии и религиозные режимы» представил результаты исследования, проведенного на материале глубинных интервью и включенного наблюдения во время гадания. Существуют два режима гадания: по значениям карт и в состоянии «потока» (интуитивное). Докладчик выделил три семиотические идеологии: оккультная (обращение к богам или духам), эзотерическая (обращение к эгрегору Таро и/или информационному полю в процессе гадания) и психотерапевтическая (обращение к бессознательному).

Д.М. Агапова (РГГУ, Москва) рассмотрела нарративы нейрографов как способ объединения людей внутри этой группы и как инструмент масштабирования сообщества посредством предложения людям альтернативной семантической системы, имеющей сходство с целительством, и способа организации смыслов.

Проблема определения границ сообщества заинтересовала А.А. Засядько (ЕУСПб, Санкт-Петербург). Исследовательница пришла к выводу, что зороастрийская община в Санкт-Петербурге стала более виртуальной (большая часть коммуникации происходит в мессенджерах) и менее институциональной – в частности, редко соблюдается регламент вступления для неофитов.

П.В. Жильцова (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург) рассмотрела бытование мемов о Холокосте в русскоязычном сегменте современного Instagram*, заметив, что наиболее приемлем условный «интеллектуальный юмор».

Взаимодействие фольклора и изображений в разные исторические периоды стало темой двух выступлений. Т.В. Напольских (РГГУ, Москва) в докладе «Этиологические сюжеты в фольклоре и иконографии майя» сопоставила сюжеты о происхождении и появлении каких-либо особенностей животных в Мезоамерике с их иконографией.

Д.А. Агеева (РГГУ, Москва) рассмотрела анимационные экранизации эпического фольклора адыгов (фильмы Р.В. Давыдова «Сын камня» (1982) и «Сын камня и великан» (1986)). Докладчица пришла к выводу, что с учетом адаптации для детской аудитории анимационный сюжет практически полностью соответствует оригинальному фольклорному: отображена цикличность сюжета, использованы канонические символы и метафоры, сохранены ключевые мотивы антропоцентричности и богоборчества.

Лингвистические аспекты фольклорных текстов заинтересовали двух исследователей. М.Р. Совдагарова (Национальный университет Монголии, Улан-Батор, Монголия) рассмотрела видовую и временную классификации заимствованной монгольской лексики, обратив внимание, что заимствования могут быть продуктивно использованы для датировки юролов и магтаалов – благопожелательных сочинений, относящихся к малым жанрам обрядовой монгольской поэзии.

А.И. Попович (УрФУ, Екатеринбург) в докладе «Мученические культы и народная религиозность: взгляд проповедника рубежа XVII–XVIII веков» рассмотрел переосмысление народной религиозности в сочинениях церковных авторов (увещание «О недействительности самовольного страдания, навлекаемого законопреступными деяниями», толкование Феофана Прокоповича блаженства «Изгнанных правды ради» из «Христовы о блаженствах проповеди толкование», «Духовный регламент 1721 г.» и др.). Докладчик выделил способы обличения проповедниками

* Запрещен в РФ; принадлежит корпорации Meta, которая признана в РФ экстремистской.

старообрядческих мучеников: обличение добываемой для себя всеми путями святости, обличение недостоверных историй (записываемых без разбора даже в житиях), стремление представить власть как гонительную, борьба с самосожжениями и их интерпретациями как спасительного пути.

Похоронные обряды Русского Севера стали предметом двух докладов. А.А. *Чепурнова* (СПбГУ, Санкт-Петербург) сфокусировалась на флаге, который был неотъемлемой частью похоронного обряда в Архангельской области в 1920–1980-х годах. Докладчица изучила архивные материалы СПбГУ и выделила основные группы упоминаний о флаге: флаг как похоронный атрибут; как атрибут советских праздников; как атрибут советского пространства, сигнализатор времени. Отдельно следует заметить, что флаг как сигнализатор при похоронном обряде направлен только на живых, не на самого покойного. Несмотря на нетипичность флага для сказки, в 1928 г. на этой же территории Архангельской области были зафиксированы три сказки, в которых флаг используется как сигнализатор для отправки героя в путь, однако здесь сигнал адресован представителям «иного» мира и выражает тему связи между мирами.

В.А. *Дементьева* (СГУ им. Питирима Сорокина, Сыктывкар) в докладе «Страх в похоронно-поминальных причитаниях Русского Севера: чего бояться живые и мертвые» проанализировала типы страха по субъектам (кто испытывает страх: покойник, живые, плакальщица) и объектам (чего они боятся) и пришла к выводу, что страшным в причитаниях для субъектов является вторжение элементов чужого пространства. Страх перед жизненными трудностями опасен для живого, потому что оказывается одновременно предзнаменованием смерти и признаком мертвеца. Отсутствие страха перед мертвецом допустимо только для плакальщицы.

Сказки Русского Севера привлекли внимание В.С. *Пономаренко* (СмолГУ, Смоленск), которая проанализировала семантику и функции деревьев в сказочных нарративах. Докладчица заметила, что деревья чаще появляются в блоках предварительных (как правило, ели) и дополнительных испытаний (чаще всего яблони). Хвойные деревья связаны с защитой от нечистой силы и переходом в царство мертвых, яблоня ассоциируется с райским деревом и свадьбой. Дуб связан с богатырской силой героя и почти не встречается в ином мире. Осина используется против нечистой силы и для проверки телесной крепости. Береза, помимо роли «мирового дерева», также считается средством обретения волшебного помощника.

Три доклада были посвящены исследованиям исторических нарративов. Д.И. *Шеметова* (ИГУ, Иркутск) проанализировала систему персонажей в устных рассказах о жизни в сибирском тылу и выделила две большие категории: свои (мать, отец, старшие

и младшие дети) и чужие (соседи, сверстники, представители власти). В первой группе персонажей отец является важной фигурой, его отсутствие приводит к перераспределению функций в семье; мать соотносится с мотивами тяжелого труда и голода. Вторая группа персонажей связана с мотивами взаимопомощи и поддержки. Она включает в себя образ «доброго человека», который помогает герою в трудной ситуации. Образ руководителя двойственен: он может как создавать дополнительную нагрузку для работников и тем самым усложнять жизнь их семей, так и оказывать помощь.

А.В. Никандрова (УрФУ, Екатеринбург) выделила характерные черты исторического нарратива в текстах наивного краеведения об истории храмов: смешение жанров, микширование и смена жанровых моделей, включение художественных деталей в документальное описание, необычное речевое оформление, смешение макро- и микромасштаба и уравнивание исторических фактов с устными высказываниями или воспоминаниями.

М.А. Агафонова (НИУ ВШЭ, Москва) в докладе «Депортация немцев Поволжья: специфика нарративов и пути конструирования исторической памяти» проследила актуализацию оппозиции «свой – чужой» в контексте коммуникации депортированных с местным населением.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта РГГУ «Песенные традиции XX–XXI вв.: поэтические структуры, биографический дискурс и исторический нарратив» (конкурс «Студенческие проектные научные коллективы РГГУ»).

Acknowledgements

The work was carried out within the framework of the RSUH project “Song Traditions of the 20th–21st Centuries: Poetic Structures, Biographical Discourse and Historical Narrative” (competition “Student project scientific collectives RSUH”).

Информация об авторе

Виктория Б. Новикова, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125074, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; jbranchik@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-5947-8661

Information about the author

Victoria B. Novikova, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125074; jbranchik@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-5947-8661